

Фоменко Я.В.,
магистрант философского факультета
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»

Феномен странничества в произведениях Туве Янссон о Муми-троллях¹

Статья посвящена философскому осмыслению литературных персонажей Туве Янссон, поиску их значимости для современного взрослого человека. Линия, лежащая в основе повествования серии книг о Муми-троллях — дух приключений (один из основных в детской литературе), неразрывно связана с дорогой. В статье описывается странничество как одна из главных экзистенциальных тем произведений Туве Янссон. Рассматривается два вида этого духовного феномена: странничество как замкнутый цикл трансгрессии, ведущий к ритуальной практике (на примере образа хатифнаттов) и странничество как бродяжничество маргинальной личности с целью осмысления своего существования и бытия вообще (образ Снусмумрика). Особое внимание уделяется значению этих тем для современного общества.

Ключевые слова: Туве Янссон, странничество, паломничество, бродяжничество.

Fomenko Jana.,
Undergraduate Faculty of Philosophy
Orel State University

The phenomenon of pilgrimage in the works of Tove Jansson about Moomintroll

The article is devoted to philosophical understanding of literary characters Tove Jansson. Books about Moomin are based on the spirit of adventure as well as many other children's stories. Adventures are inextricably linked to the road. This article describes the pilgrimage as one of the main existential problems in the works of Tove Jansson. The author considers two types of pilgrimage. The first kind of pilgrimage it is the ritual practice of transgression, it can be seen in Hattifatteners. The second type of pilgrimage it is vagrancy marginal personality, the purpose of this trip is meaningful existence, it can be seen in Snusmumrik. The author pays special attention to the value of the idea of the road for modern society

Keywords: Tove Jansson, wandering, pilgrimage, vagrancy.

1 Статья подготовлена по материалам доклада «Феномен странничества в произведениях Туве Янссон о Муми-троллях», прочитанного на конференции «Философский опыт детской литературы: Муми-тролли и другие (к 100-летию Туве Янссон) в сентябре 2014 г.»

Определенная инфантильность современного общества обусловлена целым рядом факторов, одним из которых является воздействие массмедиа на подсознание человека XXI века. Культурная ситуация такова, что основные магистрали ее развития сходятся в одной точке, замерев перед ликом Сверхмедиа – сети Интернет. Она, в свою очередь, оказывает перманентную креацию, в том числе порождая фольклорных персонажей. Если посмотреть на современное общество через мифологическую парадигму, то вырисовывается любопытная картина: каждый популярный персонаж (книжный, порожденный СМИ или же удачным интернет-мемом) становится поистине фольклорной фигурой, действующей в условиях мифологической картины мира и чьи действия, мотивы, цели изобилуют смыслами. Некоторые персонажи, появившись на свет и быстро завоевав популярность, вдруг уходят со сцены, периодически проскальзывая в ворохе забытых новостей и блогов. Другие персонажи, становясь подлинными медиавирусами, концентрируют на себе максимальное внимание социума. Как правило, такой медиавирус носит маскировочную функцию: отвлекая внимание от самого события на одного из участников его обсуждения или же «раздувает угли» из виртуала (симулякра) определенной личности. Собственно, весь инфантильный антураж порожден и обусловлен креацией разнородных фольклорных персонажей: вроде бы и знаем, что всё, по сути, игра, но тем не менее втягиваемся всё больше и больше в мифическое пространство, очаровываясь виртуальными перипетиями хитросплетенного (или же весьма примитивного) сюжета. Впрочем, плохо это или хорошо, в нашу постмодерную эпоху - судить сложно, так как доводы «за» и «против» можно привести к любому из вариантов, и вряд ли один из них будет решающим.

Одним из таких фольклорных персонажей является в серии книг о Мумитроллях — герой-бродяга Снусмумрик. В книгах Туве Янссон тема дороги, странничества занимает центральное место. Стоит вспомнить, кроме бродяжничества Снусмумрика, скитания Морры, странствия загадочных хатифнаттов, искания скитальца волшебника, зов дороги Муми-папы и многое другое. Дух приключений обитателей Муми-дола неразрывно связан с дорогой, с путешествиями. Вообще, зачастую, «дорога – это уже канва какого-либо сюжета» [5, с.240]. Но в цикле повествований о Муми-доле именно странничество фигурирует в качестве главного экзистенциального, центрального измерения. Любое путешествие, как отмечает исследователь С.П. Гурин в монографии «Маргинальная антропология», происходит в сакральном пространстве и протекает в сакральном времени. Таким образом, и пространство, и время представляются наполненными особыми знаками и символами, порождая власть дороги. Власть дороги, в свою очередь, составляет, по замечанию Т.Б. Щепанской, культ неопределенности: «дорога — не самостоятельный мир, а перерыв между поселениями: провал, пустой безымянный хаос» [9, с.22]. Следовательно, герои, действующие в пространстве дороги — сами не в полной мере существующие, находящиеся вне социума, обычаев и традиций. В рамках сюжета «на дороге»

центральное место занимают переживания героя, его становление во время путешествия, так как «если человек в путешествии остается неизменным, это плохое путешествие»[1, с.86]. Феномен странничества оказывается глубоко наполнен экзистенциальным содержанием, постоянным стремлением выйти не только за границы социального, но и вообще за рамки профанного. «Путешествие — это стремление к трансформации, к выходу за пределы собственно человеческого, к расширению своего масштаба и горизонтов, это способ отодвинуть границы, радикально их преодолеть»[2;с.93]. Это возможность постоянного трансцендирования.

В цикле произведений о Мумми-троллях можно выделить самые яркие образы странничества, воплощенные в художественном образе хатифнаттов и Снусмумрика. Отдельной темой стоит коснуться хатифнаттов – загадочных существ, в чьих образах странствий можно заметить черты паломничества. С самого начала повествования («Маленькие тролли и большое наводнение», «Комета прилетает») и на протяжении всей серии книг хатифнатты упоминаются не просто как странники, но в то же время и как «чудной народец», обладающий «особенным чутьём» и ведущий «порочный образ жизни». В данном контексте «порочный образ жизни» выступает синонимом непонятного, странного, внесоциального существования, которое не может быть принято обществом и порицается в качестве греховного, порочного. В полной мере эта позиция выражена в размышлениях Муми-папы: «папа Муми-тролля слышал, что хатифнатты никогда не ругаются между собой, они очень молчаливы и стремятся только всё плыть и плыть вперед, плыть как можно дальше. Вплоть до самого горизонта или до конца света – это им, видимо, всё равно. Так, по крайней мере, утверждают. И еще – ходят толки, будто хатифнатту нет дела ни до кого другого, кроме как до самого себя; а еще – во время грозы они заряжаются электричеством. И что они опасны для тех, кто обитает в гостиных и на верандах и занимаются одним и тем же делом в одно и то же время дня. Всё это интересовало папу с тех самых пор, как он себя помнил. Но поскольку говорить о хатифнаттах иначе, чем намеками в светском обществе не принято, ему так никогда и не довелось узнать, как всё обстоит на самом деле» [8; с.610]. Чтобы узнать больше о хатифнаттах, Муми-папе самому приходится порвать социальные узы и отправиться в странствие.

Отношение социума к хатифнаттам прекрасно выражает реакция Хемуля: «Хатифнатты, – произнес Хемуль, и этим было всё сказано. Чуть уничижительно, чуть настороженно и явно отрицательно. Как об изгоях общества, немного опасных, – словом, как о совсем иных» [8; с.609].

Центральное место в странствованиях хатифнаттов занимает ритуальная практика – ежегодное поклонение барометру на далеком пустынном острове в день летнего солнцестояния, что и позволяет говорить о хатифнаттах как о паломниках. Трудно сказать однозначно, что лежит в основе смысла ритуальных действий таинственного народца. То ли это, сродни первобытным обрядам,

практика обратной причинности (барометр воздействует на перемену в погоде), то ли поклонение грозе как божеству через посредство механизма, который может показать момент появления божественной среды, а значит, наделяется функцией сакрального. Как отмечает исследователь С.П. Гурин, паломничество – «путешествие в поисках остатков сакрального», «воспоминание о потерянном рае» [2; с.93]. Цель паломничества хатифнаттов – пустынный остров, на котором им будет явлено чудо подлинной жизни, о котором мы поговорим ниже. Во время своего паломничества хатифнатты оставляют на маленьких островках (шхерах) небольшой свиток из бересты, цель которого, по всей видимости, подача знака другим хатифнаттам, то ли с указанием пути, то ли с небольшой долей подзарядки для дальнейших исканий. Во всяком случае, ритуальная практика хатифнаттов во время странствий носит монотонный, рутинный характер. В то же время, как подлинное паломничество может произойти только один раз [2; с.93], паломничество хатифнаттов повторяется из года в год, приобретая циклический характер. Собственно всё существование хатифнаттов – паломническое искание.

Примечателен тот факт, что хатифнатты существуют только в дороге, причем морской, на суше они становятся невидимками (имеется в виду большая земля, населенная другими живыми существами, а не безжизненные островки в море). Единственный раз, где мы видим толпу хатифнаттов на суше — в повести «Опасное лето», где Снусмумрик в день летнего солнцестояния сеет семена хатифнаттов, чтобы испугать сторожа. В то же время, выполнив свое предназначение, хатифнатты больше не появляются, значит, можно предположить, что они, после своего рождения, снова сделались невидимками на суше. Невидимость в произведениях Туве Янссон предстает обычно как следствие страха (мышки-невидимки Туу-тикки, малютка Нинни из сказки «Дитя-невидимка»). В случае с хатифнаттами, можно сказать, что их невидимость приравнивается к небытию. Существуют хатифнатты только в дороге, только в странствиях и пик их существования приходится на время грозы, которую, по всей видимости, они сами коллективным зарядом электричества и притягивают. Со стороны действие грозы на этих загадочных существ может напоминать программирование электричеством, но хатифнатты менее всего напоминают зайчиков Дюрасел. Их странствия, хоть и отдаленно похожи на погодное явление или же бытие растений, всё-таки имеют философский смысл.

Сама Туве Янссон образ хатифнаттов использует, чтобы оттенить прелести обыденной жизни: «Только подумать! Никогда в жизни не бывать веселым или разочарованным, – думал папа, пока лодка летела вперед сквозь бурю. – Никогда никого не любить и ни на кого не сердиться, никогда никого не прощать... Не спать и не мерзнуть, никогда не ошибаться, не чувствовать боли в животе и не выздоравливать снова, не праздновать день рождения, не пить пиво и не испытывать угрызений совести...» [8; с.623]. Чтобы прийти к ценности обыденной жизни, Муми-папе приходится развеять для себя романтический ореол, окружающий странствия хатифнаттов. Молчаливые существа являют собой,

пожалуй, идеал атараксии, хотя и всё время находятся в поисках, но «никак не могут прийти туда, куда стремятся, и не могут остановиться» [8; с.56]. Постоянно бредущие на восток, навевающие атмосферу безысходности, подобно айтматовским поездам, шедшим «с востока на запад и с запада на восток», они внушают отрешенность своего существования стороннему наблюдателю. Странничество хатифнаттов можно рассматривать как замкнутый цикл трансгрессии, опыта-предела. Всё их странствие – жажда достижения границ этого предела (особую смысловую конструкцию играет «горизонт», к которому устремлены хатифнатты). Выход за границы собственного опыта обуславливается коллективным ритуалом, который открывает дорогу в пространство безудержного экстаза. Вот как описывается этот ритуал у Янссон: «Хатифнатты собрались в самой середине острова. Они повернулись к югу, откуда неслась гроза, совсем как морские птицы перед непогодой. Один за другим начали они загораться и трещать как ночники, они вспыхивали в такт молниям, а трава вокруг трещала, словно наэлектризованная ... Внезапно лапы хатифнаттов затрепетали как крылья мельницы. Они раскачивались во все стороны, кланялись и танцевали, и повсюду на этом пустынном острове зажужжала тоненькая песенка комара. Хатифнатты завывали – одиноко, призывно и тоскливо, песенка звучала так, словно ветер завывал в бутылочном горлышке» [8; с.621].

Неслучайно и описание воя хатифнаттов, когда в остальное время они не имеют голоса, и, многие в книге уверяют читателя в том, что у них совсем нет чувств, только взгляд, направленный в никуда. Так, например, Фуко подчеркивает невозможность языка в открываемом пространстве трансгрессии [7; с.122], ибо в нем «разыгрывается божественное» [7; с.119]. Подлинно божественное невыразимо в языковом опыте, и там, где оно соприкасается с реальной действительностью, пожалуй, и возможен только вой.

Поведать о переживании хатифнаттов может только сторонний наблюдатель, пережить подобный опыт — невозможно. Вот как описывает свой опыт соприкосновения с тайной хатифнаттов Муми-папа: «единственное, что может вселить жизнь в хатифнаттов, – это огромная, колоссальная гроза. Они получают сильный заряд электричества, но сами по себе – беспомощны. Они ничего не чувствуют, ни о чем не думают, они просто ищут. Но когда, наконец, наэлектризуются, они живут изо всех сил, испытывая большие, сильные чувства. Видно, это и было то, к чему они стремились и о чем толковали» [8; с.623]. Электричество – синоним жизненной силы для хатифнаттов; неслучайно сильный заряд они получают при рождении, но и он несравним с достижением «электрического экстаза» во время единственной грозы в день летнего солнцестояния. Гроза выступает как Божество, а трансгрессия «пронзает мир, завершая себя в потустороннем, где человек вверяет себя какому-нибудь абсолюту (Богу, Бытию, Благу, Вечности), – во всяком случае, изменяя себе» [7; с.67]. Хатифнатт вверяет себя Грозе, и в это же время происходит смерть его субъекта, отныне он паломник и может существовать лишь с другими, с такими же не-

субъектами, которые ищут переживание предела, но каждый раз не могут его полностью удовлетворить, каждый раз возникает желание ещё большего акта переживания подлинного существования. Трансгрессия превращает хатифнаттов в нечто подобное призраку, в существ, которые не существуют в полной мере – как странники и в то же время как паломники, познающие предел. Они променяли свою субъектность на акт подлинного существования, открываемого в экстазе. В этом смысле год странствий – ничто по сравнению с экстазом подлинной жизни, который, хоть и длится пару часов для наблюдателя, в их поле опыта, возможно, приравнен к вечности.

Таким образом, переживание религиозного экстаза побуждает снова и снова отправляться на поиски, так как «то и дело трансгрессия переступает одну и ту же линию, которая, едва оказавшись позади, становится беспамятной волной, вновь отступающей вдаль – до самого горизонта непреодолимого» [7; с.117].

В то время как странничество хатифнаттов имеет ритуальную природу, бродяжничество Снусмумрика носит сознательный экзистенциальный выбор личности. Это тот идеал, который был представлен в трудах Шопенгауэра, Ницше, романтиков и модернистов – отказ от оседлого существования как проявление свободной воли человека. В частности, Ницше отмечает: «Кто хоть до некоторой степени пришел к свободе разума, тот не может чувствовать себя на земле иначе, чем странником, хотя и не путником, направляющимся к определенной конечной цели: ибо такой цели не существует. Но он хочет смотреть открытыми глазами на всё, что собственно завершается в мире; поэтому его сердце не слишком должно привязываться к единичному; в нём самом должно быть нечто странствующее, что находит радость в перемене и тленности» [4; с.314]. Так или иначе, если рассуждать в рамках терминологии Ницше, то в Снусмумрике есть что-то от «дополуденной философии» – странника, который любит рассветом и утренней прохладой природы, своё вдохновение выражая в творчестве. Если ницшеанский Заратустра своим искусством жизни выбрал танец, то Снусмумрик избирает игру на губной гармошке. В написании мелодий бродяга-мумрик находит воплощение опыта странствия. Так, например, в произведении Янссон читаем: «Этот вечер создан для песни, – подумал Снусмумрик. – Для новой песни, в которой затаилось бы немного ожидания, чуть побольше весенней грусти, а под конец – одно лишь непреодолимое восхищение тем, что можно бродить по свету и быть одному – в полном ладу с самим собой» [8; с.539]. Герой Янссон находит удовольствие в своем странствии, он не ищущий путник, он каждый день видит радость в перемене и сознает свое счастье в простом присутствии.

Образ Снусмумрика демонстрирует практику дауншифтинга – отказа от потребительской культуры, жизни, направленной на самого себя, а не на выполнение чужих целей. В то же время, Снусмумрик является и космополитом – он чувствует, в связи с отказом от потребительской культуры, гораздо большую свободу: «всё, на что я смотрю, мое. И я этому радуюсь. Вся Земля моя, если хочешь знать» [8; с.60]. По твердому убеждению бродяги: «есть более приятные

занятия, чем таскать чемоданы» [8; с.61]. Туве Янссон так пишет о нем: «Снусмумрик не понимал, какую радость доставляет обладание вещами. Он довольствовался одним единственным костюмом и носил его с самого рождения... Единственная собственность, с которой он никогда не расставался и никому бы не отдал, была губная гармошка» [8; с.146].

Итак, что же вообще такое бродяжничество? Это, прежде всего, «социальная дезадаптация, неоседлый образ жизни, связанный с постоянным перемещением и сменой способов существования, что свидетельствует об отказе индивида от культурных и социальных норм», а также «это психическая организация индивида, утрата духовных ориентиров в границах окружающей реальности и устойчивая потребность в поиске новых ориентиров, в подлинной самоидентификации» [6; с.87]. Что касается Снусмумрика, то он как маргинальная личность не может согласиться с культурными нормами, в частности, это мы видим из эпизода со сторожем: «Всю свою жизнь Снусмумрик мечтал сорвать таблички, запрещавшие всё, что ему не нравилось, и теперь дрожал от нетерпения. Наконец-то! Он начал с таблички «курить воспрещается!». Затем схватил табличку «Запрещается сидеть на траве!». «Потом полетела в сторону табличка «Запрещается смеяться и свистеть!». А вслед за ней отправилась табличка «Запрещается прыгать!» [8; с.408]. Ненависть к сторожам – это, прежде всего, ненависть к власти, к запретам, которые она налагает. Снусмумрик не просто бродяга – он маргинал, нарушающий и попирающий социальные нормы. Само бродяжничество – это явление, которое может существовать только в рамках оседлой культуры - «культуры возделывания, а не собирательства, культуры дома, «места» (замещающего бытие), культуры иерархически организованной цивилизации» [6; с.87-88].

Снусмумрик ненавидит дома, ему нравится жить в палатке. В то же время это не означает отказа от коммуникации, в противном бы случае, странничество Снусмумрика превратилось бы в отшельничество. В частности, возвращение из обычного осеннего странствия Снусмумрика (в повести «В конце ноября») за потерянными нотками мелодии, которая никак не могла родиться в странствии, обусловлено не отказом от своего привычного образа жизни, а личной привязанностью к Муми-троллю.

Таким образом, если говорить в целом, то странничество в произведениях Туве Янссон имеет разную природу. Если в образе хатифнаттов мы видим странствующих паломников замкнутого круга трансгрессии, то в образе Снусмумрика угадывается свободный выбор существования. Если говорить о приемлемости такого образа жизни в рамках общества, то, казалось бы, два описанных варианта не могут быть им приняты. Однако в современной цивилизации мы видим обратную ситуацию. Во-первых, можно отметить популярность произведений, описывающих жизнь странников, особенно в маргинальной литературе; во-вторых, развлечения «околобродяжной» направленности: фланерство, туризм, походы, путешествия; в-третьих, романтический ореол, витающий в пространстве дороги и формирующий свои

субкультуры (байкеры, автостопщики и т.д.). В конце концов, весьма популярен и образ самого Снусмумрика, в начале доклада приравненный нами к медиавирусности фольклорного персонажа. В то время как художественный образ хатифнатта не может быть медиавирусом по причине смерти своего субъекта, образ Снусмумрика обладает ярко выраженной личностью, которая притягивает к себе. Т.Б. Щепанская называет странников «специалистами в области иррационального» [9; с.12], умелое оперирование символами и знаками делает из странника лидера, авторитета. Снусмумрик в произведении замечает, что «если слишком кем-то восхищаться, никогда не стать вольной птицей» [8; с.543]. В то же время он является олицетворением свободного образа жизни, которая в нашу эпоху начинает набирать обороты. Само наше существование, как отмечают Делёз и Гваттари в «Трактате о номадологии», приравнивается к новому кочевничеству благодаря номадизму. Современный человек порожден ризомной культурой, он никогда не находится на месте, а его постоянная доступность («на связи») приравнивается к бездомности. Человек, даже как субъект информационного пространства, – это номада, «кочевник, населяющий пространство, метки которого постоянно смещаются вместе с его трассой... Он двигается и одновременно остаётся на своём месте – подобно кочевнику, он путешествует сидя, но не в седле коня, а в кресле за компьютером» [3]. Кочевнический образ жизни проецируется и на будущее. В постапокалиптической научной фантастике предпочтение отдается странническому образу жизни (поиск пропитания и благоприятной территории). В футурологической концепции французского философа Жака Аттали описывается противостояние гиперкочевников и инфракочевников, завязанное на экономике. В этой связи, сказочное произведение Туве Янссон о Муми-троллях затрагивает огромный пласт проблем современной цивилизации, связанных именно с феноменом странничества, в частности, в антогонистических образах Снусмумрика, проповедующего отказ от потребительских ценностей, и образа Сниффа, сосредоточенного на накоплении богатств и получении удовольствия от ценных безделушек.

Список литературы

1. Блох Э. Тюбенгенское введение в философию. Екатеринбург: Екатеринбургский университет, 1997, 400 с.
2. Гурин С.П. Маргинальная антропология / Саратов: Изд. Центр СГСЭУ, 2000. 237 с.
3. Емелин В.А. Виртуальная реальность и симулякры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (дата обращения: 8.05.14)
4. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое// Ф. Ницше. Собрание сочинений : в 5 т. т.2 / Пер. С нем. С.Франка, Е.Заболоцкой. -Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 464 с.

5. Пермяков Ю.Е. Метафизика дороги// Сила простых вещей: сб. ст./ под ред. С.А. Лишаева. Спб.: Алетейя, 2014, с. 238-250.
6. Рыбальченко Т.Л. Сюжет бродяжничества и новая картина мира в современной русской литературе// Вестник Томского государственного университета. Филология, 2013. №6 (26), с. 87-100.
7. Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Спб.: Мифрил, 1994. 346 с.
8. Туве Янссон. Всё о муми-троллях: Повести-сказки/ Пер. со швед. Спб.: Азбука, Азбука-аттикус, 2013. 880 с.
9. Щепанская Т.Б. Странные лидеры// Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2т., т.2 Политическая культура и политические процессы. Спб., 2007, с. 5-32.

References

1. Bloch E. Tyubengenskoe introduction to philosophy. Ekaterinburg, 1997.
2. Gurin SP The marginal anthropology. Saratov, 2000.
3. Emelin V.A. Virtual reality and simulacra. <http://emeline.narod.ru/virtual.htm>
4. Nietzsche F. Human, All Too Human // Nietzsche. Works: 5 m. V.2., SPb., 2011.
5. Permiakov Y.E. Metaphysics road // The strength of simple things: Sat. v. / ed. SPb., 2014.
6. Rybal'chenko T.L. The plot of vagrancy and a new picture of the world in contemporary Russian literature // Bulletin of Tomsk State University. Philology, 2013. №6 (26), p. 87-100.
7. Tanatografiya eros: Georges Bataille and the French thought the mid-twentieth century. SPb .: Mithril, 1994. 346 p.
8. Jansson T. Everything about the Moomins: Fairy Story. SPb., 2013.
9. Shchepanskaya T.B. Strange leaders // Anthropology power. Readings on the political anthropology: a 2m., V.2 Political culture and political processes. Spb., 2007.